

Георгий ЖЖЕНОВ:

«Нас расщелкала»

Наш разговор с Георгием Степановичем на его даче, в маленьком уютном рабочем кабинете с видом на пруд, окаймленный соснами и березами, мы решили начать с разговора о матери и о детстве.

-у моей мамы было одиннадцать детей. Пять своих и шесть дочерей второго мужа. Одна, старшая, умерла еще до моего рождения. Отец мой водочку любил, справиться с этой болезнью не мог, и в результате она его доконала. Поэтому вся тяжесть моего воспитания легла на мамины плечи. Чтобы нас прокормить, она и венники березовые у бани продавала, и на Андреевском рынке Ленинграда торговала горшками, посудой... и первым социальным чисткам подверглась после свертывания нэпа, высылке, лишению прав.

После смерти Кирова арестовали моего родного брата Бориса, студента 4-го курса физмата Ленинградского университета. Талантливый был человек. Умер он в лагере на Печоре от дистрофии в сорок третьем году.

А старшего брата Сергея во время войны расстреляли немцы за то, что он ударил румынского офицера. Расстреляли на глазах у матери.

Сестры? Старшей сейчас девяносто третий год пошел, она была педагогом. Живы и две младшие — Надя в Ленинграде, и Вера — в Алма-Ате. Остальные уже ушли из жизни. Вот и все, что от нас осталось.

Конечно, арест брата и затем мой арест отразились на их жизни, особенно на судьбе младшей сестры. Ей не позволяли учиться, не прописывали, отворачивались родные, особенно «усердствовали» мужья старших сестер.

Верочка так и не смогла вернуться из Алма-Аты, куда наша семья была сослана после ареста брата, и осталась там жить. А я до Алма-Аты не доехал, меня «Ленфильм» отпросил, потому что я участвовал в съемках. Правда, задержался я в Ленинграде ненадолго, в 38-м меня арестовали. Как американского шпиона.

— Георгий Степанович, скажите, эти аресты — вначале брат, а потом и вы, молодой, двадцатидвухлетний — как они были восприняты не в кругу знакомых, друзей, а дома, среди своих? Как отразилась эта внезапная беда на вашей большой семье, сплотила ее или, наоборот, развалила?

— Развалила. Я перестал общаться со старшими сестрами. Лишь иногда, эпизодически виделись в последующие годы — если кто-то замуж выходил или умирал. С кем-то просто избегал встречаться.

Короче, наши аресты семью не сцементировали, нет. Сплотились лишь мать и младшие мои сестренки. Мама пережила двух сыновей и умерла в шестидесятом, она нам всегда и верила, и поддерживала нас, как могла. Мужья старших сестер — те, наоборот, делали все, что могли, чтобы убедить близких: мы, мол, арестованы не случайно, ошибки быть не может, нужно от нас, как от врагов, отречься.

Муж одной из сестер был чекистом, служил в охране Сталина и жил в Доме на набережной, так до конца и пользовался всеми льготами, пайками, привилегиями, а мерзавец был редкостный. Войну, кстати, он провел в Смерше. Муж старшей сестры всю жизнь проработал инженером на ленинградской «Электросиле»; он был трусоват и все время старался держаться от нас подальше, как от чужой семьи.

Одним словом, обычное было дело — кто пекся о карьере, о соб-

Валерий! Не держите надежды на конкретный результат наших бесед. Г. ЖЖЕНОВ

ственным благополучию, тот вел себя соответственно времени, старался ничем не запятнаться. А в ком было больше человеческого, тот человек и оставался. Но посылки и весточки мне в лагерь присылала только мама. Одна она. И я, соответственно, отвечал лишь ей, а позже, когда уже вольнонаемным работал в Норильском театре, в свою очередь помогал, как мог, ей. Надо сказать, что тогда, как и сейчас, зарплата у актеров была нищенская. Но я жил фотографией, меня еще называли фотографом-педиатром, потому что я любил снимать ребятшек и получалось это здорово. Платили мне за снимки столько, сколько я хотел. Только мне тогда уже ничего не хотелось. Все надоело до чертиков, на «подножный корм» перешел.

А первый срок — пять лет до печально известной 58-й статьи — я отсидел в сорок третьем году. Но тут мне вдруг накрутили еще двадцать один месяц, пришлось сидеть до сорок пятого. Освободился в разряд «вольняшек» с тяжелой статей в паспорте — 39 положений о паспортах, как мы острились — паспорт с повышенной температурой: там нельзя жить, там

уволит, тогда я сразу же и покинул ваш дурацкий город».

Студию вскоре ликвидировали, я переехал в Ростов Великий, встречаю там таких же, как и я, бывших зеков-актеров, а МГБ нас уже спрашивает — что это вы тут собираетесь, что опять замышляете? Пришлось исчезнуть и пристроиться в Павлове-на-Оке, да ненадолго. Через полгода снова арест и снова срок — уже десять лет.

Что помогало выстоять, не сломаться — не знаю. Может быть, надежда в глубине души, что когда-нибудь этот кошмар должен закончиться. Помню, однажды в горьковской тюрьме МГБ попал я в одну камеру со стариком по фамилии Цяпенко, бывшим министром просвещения архангельского правительства, еще того, что существовало при Антанте. Чудесный человек, уминая, образованный, мудрый, настоящий русский интеллигент, который со времен разгрома Антанты сидел по тюрьмам. Ему уже седьмой десяток шел, и он говорил мне: «Я завидую тебе в одном — ты молод, ты сможешь еще дожить, а я, к сожалению, видимо, не дождусь того момента, когда можно будет увидеть, чем это все вокончится». Эту

— А что это такое — советская власть? Это идея «равенство и братство»? Или то, о чем говорил мне в камере старый интеллигент? На кого обижаться-то, на конкретных людей — Сталина, Ежова, Берия?.. Тогда, конечно — это слово, негодья, ублюдки, и мне их любить не за что. Или, может, мне благодарить советскую власть в лице МГБ за то, что сохранили мне жизнь — этикие заботливые и добренькие, убергли меня в ГУЛАГе. Но я знаю на своей шкуре, что такое ГУЛАГ и МГБ, и убереги вас бог почувствовать их заботу.

Просто я воспринимаю жизнь оптимистично, понимаете, саму жизнь, а не идеологические течения, лозунги или какую-то власть. Я готов солидаризироваться там, где не присутствует политиканство, лютное — правое, левое... Бог или черт меня миновал от всех этих ассоциаций, объединений, бегу от них, бегу, и главным образом потому, что не верю. Не хочу.

— Да, сейчас многие известные писатели, актеры, режиссеры вдруг занялись политикой, вышли к трибунам, на митинги, зовут влево, вправо, к светлому будущему, светлому прошлому... А вот такое ваше «не хочу», за которым либо усталость, либо мудрость, либо житейский опыт, да еще помноженное на «не хочу» многих других, не приведет ли оно к тому же состоянию в стране, когда снова будут хватать «на всякий случай» и сажать «на всю катушку»?

— Нет. Я не премудрый пескарь, который прячется в своих зарослях. Когда мне предлагают какие-либо почетные должности, я говорю: «подите к черту, я еще действующий актер, и это мое главное дело». Так что меня от пассивной позиции защищает то, что я активен как актер.

— Мой вопрос не случаен. Дело в том, что ваши герои чаще всего люди добрые, справедливые, сильные, и мы, как зрители, волей или неволей отождествляли эти образы непосредственно с вами. Но чем объясняется ваш выбор этих ролей, не потому ли вы на них останавливались, что хотели забыться, уйти от проблем?

— Не я на них останавливался, а мне их предлагали. Тут недавно во время вручения мне ордена Ленина Янаев говорит: «Мне всегда нрави-

лись ваши сильные характеры, волевые, справедливые люди, которых вы играли». Конечно, я понимал, что делал для Власти много хорошего, изображая положительных героев нашего общества, а это, как правило, какие-то начальники. Я надеялся их идеальными качествами, старался сделать их лучше, чтобы хотелось брать с них пример. Теперь получается, что те люди, которых я играл, оказались на поверку политиками, негодьями, коррумпированной элитой. Но ведь все равно положительные личности с нормальными человеческими задатками доброты, порядочности существуют в жизни и сегодня. Значит, не все мои герои оказались подделками. Сейчас в театре я играю в спектакле «Торжество в небесах» секретаря обкома, эдакого крестного отца партаппаратной мафии, настоящего пахана, на котором пробу ставить негде. Но почему мой герой должен быть наделен только отрицательными качествами? Наоборот, подчеркиваю и какие-то положительные штрихи, и он от этого становится еще страшнее. Ко мне однажды после спектакля заходят зрители и говорят: «Вы знаете, что ваш секретарь — это наш шеф?» Я говорю — знаю, это действительно он, но еще той поры, когда был секретарем обкома. И ведь не утонул же, не пропал, вынырнул как непотопляемый броненосец, только на еще более высокой должности. А таких узанавний может быть множество, потому что это тип — классический для нашего общества. Но я понимаю, что он негодяй, и негодяя играю, а для них он и сегодня — шеф.

— Георгий Степанович, но не кажется ли вам, что, создавая бесконечно положительные образы, вы помогли системе лакировать свой фасад, вы были одним из тех орудий идеологии, с помощью которых нас обольщивали все эти годы. Возьмем, к примеру, вашего Тульева из «Судьбы резидента». Хотите вы или нет, но его перерождение — это прямо-таки гимн КГБ, прославление того самого карающего органа, который в вашей жизни себя проявил сполна.

— Так кинематограф всегда слуга господствующего класса и не может быть вне политики. Я мог отказаться от роли Тульева, тем более что в это же время снимался в «Сатурне».

«СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ»

Но мне было интересно, я отношу себя к людям авантюрного плана, любящим приключения, азарт. В литературе, например, мне нравятся детективы, и я не стыжусь этого. Потом, после выхода фильма, был даже анекдотичный случай: меня пригласили в КГБ для вручения Почетного Знака. Да, да, не улыбайтесь. Я действительно лауреат КГБ за фильм о резиденте и о «Сатурне». На вручении были пять или шесть высших чинов КГБ – руководителей разведки и контрразведки. После того как один из заместителей председателя комитета вручил мне награду со всякими комплиментарными, благодарственными словами, я, помнится, уже уходя, оглянулся у дверей и спросил: «Ну хорошо, товарищи генералы, если между нами мужиками – случись что-нибудь со мной по вашей линии, могу я теперь на вас рассчитывать?» Они посмеялись – и все. И расстались мы, прекрасно понимая: они – кто я, я – кто они.

Был у меня еще случай в Краснодаре, когда меня попросили выступить в краевом НКВД, а после – отужинать с ними. Я говорю, ну кто же вам отказывает. А вечером, после того как я выступил и начались вопросы, один из сотрудников спрашивает: «Вы так убедительно играете разведчиков, контрразведчиков, руководителей спецслужб, что невольно кажется, будто вам хорошо известна наша оперативная работа. Чем вы это объясняете?» Я безо всякой паузы отвечаю: конечно, известна, я же сидел у вас семнадцать лет как американский шпион. Представляете, какая вдруг наступила тишина (а было это в на-

ме бывший министр, – все называют своими именами, говорят без боязни и преклонения о партии, о большевиках, о КГБ, о том соцстрое, который 70 лет раздували как мыльный пузырь и что теперь можно охватить одной сочной фразой старого интеллигента. Но что дальше? Что теперь изменится для вашей дочери, вашей внучки?

– Понимаете, мы все вышли из этой чудовищной системы, мы все в разной степени – ее жертвы, и наши шоры ни срывали. У меня нет надежды на наших детей, им так и доживать надломанными, измазанными той античеловечной системой, которая семьдесят лет вершила миллионами судеб на одной шестой части планеты. Вся надежда на внуков, на тех, кто с первых шагов будет чувствовать себя более свободным, чем когда-то мы.

– А когда вам становилось тяжело, когда наваливалась тоска, усталость, обиды, когда опускались руки и не было сил от безысходности, куда вы шли со всем этим – к другу, в семью или носили в себе, избегая откровенности?

– Лагерь вообще-то откровенности не учит, там вся система построена на том, чтобы отбить желание кому бы то ни было открыться. Поэтому я большей частью все ношу в себе. Но отдохнуть, успокоиться, вздохнуть свободно всегда тянулся и тянусь домой, в семью. Я вообще считаю, что изначально главной цементирующей силой общества должна быть семья, и главное, чего следовало

тому что я книгами увлекся, мне лишний раз не хотелось от Джека Лондона отрываться или от Киглинга. Это в конечном итоге и спасло от уголовщины, а не семья и не система. Система, кстати, нашла потом, за что посадить.

– Но у вас была такая большая семья, что в ней, вероятно, легче переживались все те потрясения, выпавшие и на долю страны, и на вашу долю. Могли вы собраться вместе, могли друг друга поддержать? Было куда в ко-

Я знаю на своей шкуре, что такое ГУЛАГ и МГБ, и убереги вас бог почувствовать их заботу

нечном итоге возвращаться из лагеря.

– Последний раз мы собирались вместе где-то в конце двадцатых годов. Помню еще, как мы усаживались за одним столом по пятнадцать – семнадцать человек вместе с родственниками, приезжающими из деревни. Мать любила привечать их под нашей крышей. Потом начались высылки, репрессии, и все рухнуло окончательно. Уже в сороковых, когда я вернулся после первого срока, мать из милости жила у старшей сестры. А мне податься было некуда, у каждой сестры – семья, и каждая боялась, как бы я не попросился к ней, не обратился за помощью. Я это к тому времени очень хорошо знал, поэтому рассчитывал только на себя самого.

– А когда вы стали известным, когда ваши фильмы крутили по всей стране и ваши герои стали чуть ли не эталонами, тогда-то не началось возрождение вашей расщепленной семьи?

– Для многочисленной родни мой взлет оказался неожиданным, и были попытки восстановить отношения. Но я хорошо помню изречение о плохом друге, который подобен тени – в солнечную погоду от него не отвяжешься, а в пасмурную его не найти. Поэтому к восстановлению отношений отнесся прохладно. За исключением двух младших сестренок. Они, кстати, не приемлют старшую и тоже имеют для этого основания – в свое время, когда они возвращались из ссылки и ехали через Москву, оказалось, что им тут приткнуться негде, хотя старшая уже жила здесь и имела просторную квартиру.

В общем, система, не дай бог, как покалечила людей, не дай бог! **– Георгий Степанович, вы уверены, что ваша нынешняя семья гарантирована от такой ломки, а нынешние власти более мудры, а вы сами сделали все, чтобы в тяжелую минуту ваши дочери не укрылись в своих «улитках» и не отгородились от родных и близких с их бедами и проблемами?**

– Моя дочь Юлия не отгородится. Я, наоборот, больше печалюсь, что она не слишком современна – добра, бесхитростна, тонка, не подготовлена к выживанию в этом жестоком безжалостном мире. Она вся от хороших, добрых

телей, вкушая плоды тех бесконечных льгот, в которых они купались. Нет, эти дети не должны отвечать за срок своих родителей, но и безнаказанности не должно быть, при которой даже сегодня палачи живут лучше, чем их жертвы. И дети этих палачей всем образом своей жизни впитывают убеждения, что лучше быть безнравственным палачом, чем нравственной жертвой. Хотя при этом палачами-то они себя не считают, нет. Скорее, наоборот – благодетелями. Я вот несколько лет назад получил письмо от Валентины Драпкиной – начальницы культурно-воспитательной части Магаданского лагеря и ее мужа – начальника северо-восточного Управления исправительно-трудовых лагерей. Так вот она пишет: «Дорогой Георгий Степанович, еще тогда, на Колыме, я годами старалась вселять в вас надежду, веру в жизнь – в то, что все еще переменится, образуется. Видите, как я была права, как хорошо, что у вас все состоялось. Мой муж тоже солидарен со мной в добром к вам отношении, в связи с этим мы с мужем подумали, а не вступить ли вам в пар-

тию. И мы готовы дать вам рекомендацию, мой муж с девятнадцатого года в партии, а я – с тридцать седьмого». Вот вам и палачи, они и сегодня считают себя избранными, и сегодня готовы под настроение облагодетельствовать своей милостью.

Моя Юлия с юности пишет стихи, и стихи, на мой взгляд, хорошие, тонкие. Однажды она написала про Дом кино, а я думаю, что это про всю нашу с вами жизнь, про которую точнее не скажешь.

*...Но вокруг меня очки
в импортной оправе,
и сказать при них «апчи»
я уже не вправе.
Я топчусь меж пиджаков
бархатных и кожаных,
А вокруг пареня слов,
словом – как положено.
Дамы шубки оставляют,
дамы скинули пальто.
Все друг друга лично знают,
а меня лично никто.
Свет вокруг как будто меркнет,
в зал вошла Звезда.
Ну и атмосфера!
Скрыться бы куда.*

...Наша беседа продолжалась еще долго. За окном прошел стремительный летний ливень, небо снова прояснилось, вышли погулять среди сосен Юля с дочуркой, помчался в мокрую траву, разбрызгивая тяжелые капли, игривый черный спаниель, Лидия Петровна принесла чай с баранками и джемом и тихо удалилась, чтобы не прерывать нити разговора. А Георгий Степанович вспоминал то один, то другие фрагменты из своей большой, богатейшей собою жизни, но о чем бы он ни говорил – о грустном ли, о забавном, – во всем его облике сохранялось то умиротворение, тот уютный покой, какой лишь и возможен в стенах, поднятых твоими руками, среди близких, родных людей, которых любишь и которым веришь.

Валерий ЯКОВ,
июль 1991 года

Понимаете, мы все вышли из этой чудовищной системы, мы все в разной степени – ее жертвы, и наши глаза зашорены, как бы мы эти шоры ни срывали

чале семидесятых, когда о таких вещах не очень говорилось). Так вот, они молчат, думая, вероятно, кого же это им привели в их стены, а я гадаю – ужин-то теперь состоится или нет?

– Георгий Степанович, а как ваша жена относится к тому, северному, периоду вашей биографии?

– Лидия Петровна – моя вторая жена, мы с ней вместе с пятьдесят шестого – уже тридцать пять лет. А первый раз я женился на Севере, на женщине с такой же, как у меня, изломанной судьбой. И дочь у нас там же родилась, в сорок шестом году, в Магадане. Потом жены не стало, а дочь выросла, живет в Риге, работает дизайнером, и не без успеха – ее имя хорошо знают и у нас в стране, и за рубежом. Когда приезжает в Москву, останавливается у меня, хотя живем мы довольно тесно, двумя семьями – мы с Лидией Петровной и младшая дочь с мужем и ребенком. Второй раз я женился после реабилитации, в Ленинграде. Мы с Лидией Петровной работали в одном театре – Областном драматическом, а позже вместе перешли в Ленсовет и работали там вплоть до переезда в 69-м году в Москву. Меня пригласил к себе Завадский, жена из-за переезда оказалась вне театра и все эти годы преподавала в Театральном институте имени Щепкина. Дочь сейчас тоже работает в театре, играет в Моссовете, хотя я и не хотел, чтобы она становилась актрисой. Вначале поступила в МГУ на биофак, проучилась два года, потом взбрыкнула и подалась все же в актрисы. Муж ее – Олег – работал водителем грузовика в Метрострое, в 25 лет решил стать актером, и теперь студент Школы-студии МХАТ, на четвертом курсе. Ну а внучке всего годик, кем она станет – не знаю.

– Хорошо, Георгий Степанович, вот вы дождалась того, о чем мечтал в горьковской тюрь-

мо избежать в первую очередь, – это разрушения семьи. А у нас, по сути, с этого началось. Разрушение семьи стало государственной политикой. Я даже сейчас помню, когда у нас дома возникали конфликты и родители довольно жестко наказывали нас за излишне вольное поведение, так моя младшая сестренка чуть ли не бежала в милицию просить защиты, и милиция охотно откликнулась, грозя и отцу, и матери всякими революционными карами. Мы жили разобщенно, каждый сам по себе, у матери едва хватало сил всех прокормить, и мы ее почти не видели. Кому в тех условиях удалось уберечь семью от общественного внимания, те выжили. А мы – развалились, рассыпались. Павлика Морозова в семье не появилось, но ведь бывали близки к этому, вся наша система, вся пропаганда работала на это, убивала в нас изначально человеческое и воспитывала оловянных болванчиков и стукачей. Я ведь помню, как я, дуралей, на последнем свидании с братом успокаивал его лозунгами – все, мол, искупить трудом, пойдет тебе год за три... Он меня и шуганул, иди, говори, отсюда, болван, мать лучше позови. Это позднее на своей шкуре я узнал цену нашим лозунгам.

Или почему, скажем, я не стал вором? Ведь должен был, у меня столько приятелей ударились в это ремесло и меня на всякие приключения засылали. Мне повезло, по-

